

КТО ТАКИЕ "ЧАТЛАНЕ", И ПОЧЕМУ ОНИ "СИДЯТ В ЧАТАХ". ФАТИКА В ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ

Рассматривая чат-коммуникацию на фоне парадигмы человеческой коммуникации в целом, видим, что это - новый виток ее (парадигмы) спиралевидного развития; чат-коммуникация - это неформальное диалогическое общение, являющееся симбиозом, во-первых, устной и письменной коммуникации, во-вторых, контактной и дистантной коммуникации. Общеизвестно, что филогенетически и онтогенетически первичным выступает контактное устное диалогическое общение [14, 347], которое "характеризуется наличием психолого-эмоциональной доминанты" [2, 54], т. е. преобладанием фатики над информатикой. С. В. Андреева констатирует: "способность фатической речи быть регулятором психического состояния людей исследователи отмечают как один из важнейших ее признаков" [там же, 52].

Общепризнанным в лингвистике является тезис о том, что фатическая функция языка проявляется в общении ради общения, которое направлено на установление и поддержание контакта. Р. Якобсон, один из основоположников изучения фатической функции языка, подчеркивал, что фатическую функцию дети усваивают первой, "стремление вступить в коммуникацию проявляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения" [36, 201]. По свидетельству А. А. Леонтьева, в период лепетной речи ребенок оперирует т. н. псевдословами, которые "не имеют еще предметной отнесенности и служат исключительно для выражения потребностного или оценочного отношения к миру" (выделено нами - Н. Р.) [22, 177]. Наблюдения социолингвистов также подтверждают онтогенетическую примарность фатики. Н. Б. Мечковская пишет: "детская речь выполняет вначале именно фатическую функцию. Трехлетние дети еще не знают, что бы такое им сказать или услышать друг от друга, но тем не менее энергично лопочут каждый о своем, потому что стремятся к контакту" [23, 19-20]. Аналогичный тезис содержат и психолингвистические исследования. В частности И. А. Зимняя в своей работе "Лингвопсихология речевой деятельности" отмечает, что "на начальной стадии развития человека формируется экспрессивная и коммуникативная функция (последняя как средство социальной связи)" [12, 29].

Здесь следует уточнить некоторую условность разделения фатики и информатики в речевом общении. Так, В. И. Карасик пишет: "цели общения можно разделить на поддержание эмоционального контакта (мы это трактуем как фатику - Н. Р.) и на информационный обмен. Разумеется, в эмоциональном контакте всегда есть та или иная доля информационного обмена и наоборот" [14, 345]. В таком же ключе высказывается С. В. Андреева: "в практическом плане четко дифференцировать фатику и информатику очень трудно. Чаще всего они выступают в речи в сложном взаимодействии" [2, 53]. Как следует из рецензии Н. А. Купиной на монографию М. И. Китайгородской и Н. Н. Розановой о коммуникативно-культурологическом аспекте речи москвичей, эти авторы вывели правило "диффузного взаимопроникновения фатики и нефатики, действующее как норма речевого семейного быта, диалогических жанров повседневной коммуникации" [19, 123].

Как бы там ни было, мы исходим из того, что устное диалогическое неформальное общение как генетический прародитель чат-коммуникации - это общение ради него самого. Как говорящий, так и слушающий поддерживают речевой контакт исходя из т. н. гедонистических мотивов. О. С. Иссерс поясняет суть гедонистической концепции таким образом: "всякая деятельность подчиняется максимизации положительных и минимизации отрицательных результатов" [13, 57]. Полагаем, что речевая коммуникация как вид человеческой деятельности, безусловно, подчиняется данному мотивационному принципу. Подтверждение тому находим в публикациях И. Бискуб, которая утверждает, что "человеку нравится говорить. Этот факт доказан не только психологами, психиатрами, но и лингвистами" [4, 39]. Е. Н. Зарецкая анализируя разные функции языка, увязывает каждую из них с коммуникативными установками, в частности одной из шести перечисленных ею установок является "установка на контакт", т. е. на само осуществление общения" [11,6].

Е. В. Клюев настаивает на том, что в отличие от актов собственно общения, существует отдельный тип речевых актов, а именно фатических актов, в которые человек вступает, чтобы просто поговорить [15, 222]. Он уточняет, что "когда мы характеризуем некий процесс говорения как 'слова, слова, слова' или, менее элегантно, как 'болтовню', 'треп' и т. п., мы имеем в виду проявление фатической функции языка" [там же]. На подобную снисходительно-ироническую трактовку фатического общения можно предложить в качестве контраргумента тезис Г. Кларка и Д. Уиллис-Гиббса о том, что "разговор - это основное место использования языка" [41, 24], а также высказывания экспертов в области дискурс-анализа М. Йоргенсен и Л. Филитс о том, что "дискурс - это *ситуативное* использование языка в

текстах и речи повседневной практики" (выделено нами - Н. Р.) [29, 163]. Под ситуативным использованием они понимают "контекстуально связанное, зависимое от обстоятельств, окказиональное использование языка" [там же, 153], а именно такова специфика повседневного контекстуально связанного речевого общения, протекающего чаще всего в режиме диалога.

"Человек диалогичен от природы" утверждает К. Ажеж [1, 222]. К диалогическому разговорному общению человек прибегает с раннего детства, реализуя таким образом "наследственную предрасположенность, или генетическую готовность к слушанию и говорению. Эти виды речевой деятельности, осуществляющие устное общение, являются ее базальными видами, определяющими речевой онтогенез" [12, 68-69]. В свою очередь, "чтение и писание представляют собой более сложные виды речевой деятельности. Они требуют специального целенаправленного обучения для овладения ими" [там же]. Однако с ходом цивилизации навыки письменной речи (письма/чтения) распространяются очень широко, и с изобретением электронной (компьютерной) коммуникации они оказываются чрезвычайно востребованными. Более того, "новая технологическая медиа-среда порождает новые модели коммуникации" [37, 718] и "задает условия, ранее не существовавшие в сфере человеческой деятельности" [35, 2] (Здесь и далее выделено нами - Н. Р.). Точка зрения И. С. Шевченко перекликается с высказываниями Л. Ф. Компанцевой о том, что интернет-коммуникация - "это особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее", и тем самым особенно интересное для лингвистов [17,13]. Такая трактовка эпистемологической ценности лингвистического изучения интернет-общения кажется нам оправданной, поскольку полученные наблюдения и выводы уточняют наши знания о новых разновидностях коммуникативной деятельности человека. См. в связи с этим точку зрения М. О. Столяровой: "новые технологии требуют от пользователей новых культурных и образовательных навыков и активизации природных человеческих способностей" [28, 585].

Изначально присущее человеку стремление и умение общаться в контактном устном режиме обогащается в процессе социализации и инкультурации новыми навыками дистантного письменного общения. К навыкам продуктивной коммуникативной деятельности - говорения присоединяются навыки писания, а навыки рецептивной деятельности - слушания дополняются навыками чтения. В филогенетическом масштабе обе разновидности коммуникативной деятельности (и продуктивной, и

рецептивной) получают мощные импульсы дальнейшего развития с момента появления Интернет-технологий.

Создание глобальной компьютерной сети, в частности, Интернета, делает возможным общение вне каких-либо пространственных ограничений (достаточно наличие компьютеров, подключенных к Интернету в любых точках планеты). Это общение протекает в двух темпоральных режимах. Во-первых, это отсроченная, асинхронная коммуникация (в online режиме), по этому параметру она идентична традиционной письменной коммуникации (частной/деловой переписке, художественной/нехудожественной литературе, печатным СМИ и т. д.). Во-вторых, это синхронная коммуникация (в online режиме), по этому параметру она идентична традиционной устной коммуникации (контактному диалогу, устной лекции, проповеди, публичной речи, интерактивным программам в электронных СМИ и т. д.). Однако темпоральное сходство online коммуникации и устной контактной коммуникации, а именно синхронность продуктивной и рецептивной деятельности, сочетается и с существенными различиями между этими видами общения. Online Интернет-коммуникация, в частности чат-коммуникация, не контактна, а поэтому часто анонимна, точнее псевдонимна (что чревато мистификациями). Норма псевдонимности для чат-коммуникации имеет строго предписательный характер. Так, одно из правил поведения в чате гласит: "никогда не сообщайте информацию личного характера (any personal information) кому бы то ни было, не взирая на то, какое доверие вызывает у вас собеседник" [42]. Реализуясь по каналу письменной речи, чат-коммуникация оказывается лишенной фонационных и кинетических средств паралингвистического кода, нехватку которых, правда, активно компенсирует параграфемикой, метатекстовыми комментариями и широким использованием вербализованных кинем.

Технические возможности веб-камер и голосового модема постепенно проникают в чат-коммуникацию, расширяя кодовый диапазон общения за счет возможного использования кинематических (жестовых, мимических) и фонационных (просодических) знаков. Однако применение этих технологии еще весьма ограничено, и по мнению экспертов "не очень перспективно, поскольку громоздко" [40], а кроме того не предоставляет таких преимуществ, как возможность мистификации идентичности участника, приватность общения в любом окружении (privacy in public places), скорость восприятия, возможность параллельной коммуникативной деятельности (например, разговор по телефону во время чат-общения). Все это, по утверждению Н. Барон "свидетельствует о том, что письменная КОК (компьютерно опосредованная коммуникация, СМС –computer mediated communication) вряд

ли исчезнет, невзирая на появляющиеся технологические альтернативы" [39, 23].

Поэтому, анализируя чат-коммуникацию, мы исходим из сегодняшнего положения дел, т. е. рассматриваем ее как компьютерно опосредованное дистантное синхронное общение, базирующееся в подавляющем большинстве случаев на графическом модуле речи. Согласно словарной дефиниции "чат - исконно сетевой жанр, формирующийся под влиянием Интернет-общения" [38, 648]. Обзор литературы, посвященной жанрам Интернета см. в: [8, 68-69].

Согласно параметру селективности участников чат-коммуникация изначально является весьма демократичной и соответствует (с некоторыми оговорками) "речевой ситуации открытого типа (модель: приглашаются все желающие), т. е." - уточняет Е. В. Ключев, "она не рассчитана на участие исключительно специалистов в той или иной области знаний" [15, 243]. Подобное общение протекает в условиях т. н. "координативных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не отношения субординации (формальные или неформальные)" [13, 23]. По мнению А. Б. Кутузова, компьютерное общение имеет "сетевую, а не иерархическую структуру, что проявляется в принципиальной возможности участников с равной легкостью общаться друг с другом, вне зависимости от любых социальных, экономических или политических факторов" [20, 2]. В подобном общении, как полагает Е. Е. Пронина, "участие каждого вносит свой вклад в полилог мышления, а статусное различие (коммуникатор более компетентный, авторитетный и т. д.) вообще исчезает" [26, 4]. И. Н. Лавриненко анализируя такие взаимоотношения коммуникантов, уточняет, что "отсутствие зависимости между участниками диалогического общения есть результат равенства их социальных ролей" [21,98]. Данную особенность (равенство статусов) Е. Н. Галичкина объясняет анонимностью участников, которая порождается виртуальным характером компьютерного общения [6, 6]. Каковы бы ни были причины такого статусного равноправия участников, оно "является одной из конститутивных категорий компьютерного дискурса" [18,35], (в нашем случае чат-дискурса - Н. Р.). Такую ситуацию общения можно в терминах Н. И. Формановской определить как симметричную [30, 97].

Это, в свою очередь, означает, что все, кто зарегистрировался и вошел в чат, имеют равные права на высказывание собственной точки зрения на любую обсуждаемую тему. Такое равноправие касается как адресантов, так и адресатов чат-коммуникации. Высказывая любую фразу, адресант готов к тому, что она становится достоянием всех, находящихся в чате. Как пишет

Ч. Харрис, "когда ты в чате, все, что набрано тобой на клавиатуре, включая твой ник, видно всем, кто также находится в чате" [45, 89]. Эту особенность чат-коммуникации Е.Н. Галичкина определяет как "проницаемость", подчеркивая, что "общение через компьютерную сеть - это исповедь на площади, т. к. ваше письмо может в один миг стать доступным всем" [7, 57]. Адресаты в такой коммуникативной ситуации, вслед за Г. Г. Почепцовым, могут быть названы "*со-адресатами*, равноположенными в своей роли адресатов по отношению к сообщению и его источнику" и являющимися "объектами одной общей иллюкутивной силы" [25, 218].

Акцентируя равноправие чат-коммуникантов, мы оставили за собой право на некоторые уточнения, суть которых сводится к тому, что демократизм этого вида общения все же регламентируется до определенной степени. Речь идет о дифференциации чатов согласно некоторым параметрам их участников.

Во-первых, участники коммуникации в чате могут быть условно разделены на разные группы по принципу осведомленности в компьютерных технологиях, т. е. по уровню пользовательской квалификации [34, 146] и по опыту общения в сети. Одну группу составляют новички, которых в англоязычной практике называют традиционным словом *beginners* или окказиональным образованием *newbies* [16, 152]. В эту группу входят те, чей опыт общения в чате исчисляется несколькими днями, неделями. Другую группу составляют более опытные пользователи, т. н. чатлане [50] - пользователи сети интернет, регулярно общающиеся в чате на протяжении нескольких месяцев и более. Обращаем внимание на образность словообразовательного процесса: русское *чатлане* может восприниматься как искаженное английское *chatliners* в значении *те, кто болтает в режиме online (chatters on online)*. Однако мы склонны трактовать русское новообразование *чатлане* как шутивную имитацию оттопонимической деривационной модели по аналогии с *земляне* - жители Земли, *чатлане* - обитатели чатов. Отдельную группу образуют т. н. хакеры [50] (*hackers*-знатоки компьютера и программного обеспечения) - пользователи, являющиеся специалистами в области программирования.

Р. В. Боднар, исследуя социолект подростков, утверждает, что англоязычный компьютерный жаргон, которым широко пользуются подростки, содержит целый ряд номинаций человека, дифференцированных по степени его компьютерной компетентности [5, 44]. Так, согласно данным компьютерного ресурса The Jargon File, существует слово *neep-neep* для обозначения человека, который увлекается компьютером, но не входит в группу хакеров, *devo* обозначает члена группы развития, *demigod*- опытного

хакера, известного своей ролью в создании какой-либо популярной компьютерной игры, и т. п. Жаргонное значение слова *wizard*- это тот, кто знает все о работе программного обеспечения, а особенно тот, кто может быстро найти и уничтожить вирусы [46]. Как видим, степень компьютерной грамотности есть объект рефлексии. Как правило, пользователь отдает себе отчет в том, сколь высок уровень его компетентности, и в зависимости от этого выбирает тот чат, в котором общение для него будет наиболее комфортным.

Во-вторых, некоторую селекцию участников чата осуществляет также сетевой администратор и специальные программы, например, по возрастному цензу. Если потенциальный чатлаин согласно представленным им самим (и не проверяемым!) данным оказывается моложе определенного возраста, заявленного как параметр формирования чата, он не будет допущен к общению в чате и ему вежливо, но настойчиво порекомендуют обратиться в другой чат. Безусловно, в чат-коммуникации, как и в прочих жанрах Интернет-общения, существует широкое поле для мистификации, ложной самоидентификации (гендерной, возрастной, социальной), не говоря уже о принципиальной псевдонимности всех участников чата. В этом, в частности, выражается игровая составляющая чат-общения, которую Ф. О. Смирнов трактует как основополагающую, поскольку "мир компьютера для современного человека - это игровое пространство. Это замкнутое, огороженное от остального мира пространство, где порядок задает игра" [27, 4]. О роли игры в человеческой культуре в целом см. основательную работу И. Хейзинги, где сказано, что "культура возникает в форме игры [32, 60]. Считаем, что мистификация своего "я" предоставляет коммуниканту возможность реализации глубинных свойств человеческого самосознания. Так, С. Холл пишет: "мы формируем ощущение своей личности, выбирая одну версию "я" относительно всех возможных версий "себя" [44, 136]. Создание нескольких сетевых версий "себя" анализируется многими исследователями [3; 10; 33; 35; 43; 47; 48; 49].

Н. Д. Чеботарева даже настаивает на том, что "виртуальная презентация *никогда* не тождественна реальной" (выделено нами - Н. Р.) [33, 3]. Исчерпывающая категоричность такого утверждения, на наш взгляд, является излишней. И. С. Шевченко, к примеру, приводит следующие данные: "как показал опрос пользователей сети, 37 % не создают в Интернете новые презентативные образы, не смотря на то, что в среде интернетчиков это является принимаемым" [35, 3]. Как полагают исследователи, "множественность идентичности в виртуальной комму-

никации отражает множественность идентичности в современном обществе в целом" [10, 8].

Факторы, способствующие мистификационной самопрезентации в Интернете или, напротив, отказу от мистификаций, лежат в сфере личностных характеристик пользователя Сети. Во-первых, срабатывает фактор возраста. Так, например, в подростковом периоде становления коммуникантам свойственно экспериментировать со своим "я" в связи с феноменом "юношеского кризиса идентичности" [35, 5]. Однако уже в среднем возрасте (около 30 лет) "пользователи представляют в сети субличность, достаточно точно отображающую их реальное поведение и "ценности" [33, 6].

Во-вторых, многообразие самопрезентаций или отсутствие такового, с точки зрения специалистов, детерминированы особыми психологическими параметрами пользователя, такими, как ригидность, стремление к лидерству, агрессивность, индивидуализм, спонтанность [35, 9]. Нередко причиной отказа от множественности образов самопрезентации служит "неумение создавать и функционировать в образе, отличном от привычного, или отсутствие потребности в продуцировании новых образов самопрезентации" [там же, 4].

Следовательно, хотя "создание виртуальной личности обеспечивает человеку возможность 'убежать из своего тела' и экспериментировать с собственной идентичностью" [3, 9], все же тенденция к мистификации имеет свои разумные пределы. Лимитирующими причинами можно считать следующее. Прежде, чем человек вступает в любую коммуникацию, в том числе и анонимную чат-коммуникацию, он приходит в определенное "коммуникативное состояние", которое, с одной стороны, есть готовность к коммуникативному воздействию, предрасположенность к действиям по отношению к *другим*, а с другой стороны - обобщенное состояние готовности к приему воздействий со стороны *других людей* (выделено нами - Н. Р.) [31, 34]. Фактор "выбора других

* Интересный обзор социолингвистических исследований «языковой компетентности и языковых практик молодежи и пожилых людей» см. в кандидатской диссертации Р.В. Боднар [5, 23 и далее].

людей", с которыми человеку комфортно общаться, регулируется когнитивной категорией базового уровня под названием "свой круг" [13, 45, 50] и свободным владением соответствующим "тематическим репертуаром" [там же, 97], который имеет хождение в этом круге. По утверждению Ван Дейка, тематический репертуар связан с коммуникативной ситуацией, с социальными ролями, возрастными, половыми и личностными особенностями говорящих. В нем существует определенная иерархия тем, в том числе, табуирование некоторых тем. "Степень вероятности оказывает влияние на наши ожидания относительно возможных тем в каком-либо дискурсе" [9, 52,53].

Эти обстоятельства, подобно сити, отсеивают "чужих" и оставляют "своих", хоть и скрытых за псевдонимами, но разделяющих общие интересы, темы, тональность общения данного чата. "Тональность", как поясняет В. И Карасик, "может быть обыденной/торжественной, серьезной/шутливой, конструктивной/деструктивной, она определяется отношением участников коммуникации друг к другу, к обстановке и к предмету речи" [14, 348]. Г. Орлов трактует тональность несколько уже, как "сплав формально-содержательных характеристик высказывания, отображающих отношение адресанта к адресату" [24, 113]. Существует и более широкая трактовка понятия "тональность". В этом случае оно подводится под когнитивистское понятие "аттитюдов" как оценок окружающего мира [29, 158], которые являются продуктами социального взаимодействия индивидов [там же, 162]. Как бы ни трактовать тональность общения (широко или узко), она, безусловно, есть интегрирующий фактор, объединяющий завсегдаев того или иного чата в некое виртуальное сообщество всласть болтающих людей.

Следовательно, лимитация теоретически беспредельных мистификационных потенциалов псевдонимного общения происходит не за счет каких-либо организационных мер юридической, социальной или морально-этической ответственности за псевдоидентификацию, но за счет сугубо коммуникативного рычага - абсолютного доминирования фатики в чат-коммуникации. Человеку нравится болтать о повседневных пустяках в неформальной обстановке, непринужденно общаться с себе подобными, гедонистически избегая ненужного напряжения и следуя закону экономии не только речевых, но и психологических усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки: Перевод с французского. -М.: Едиториал УРСС, 2003. - 304 с.

2. Андреева С. В. Фатика в радиозфере (к вопросу об употреблении синтаксических единиц разного типа) // Филологические науки. -2002. - № 6. - С. 47-58.
3. Белинская Е. П. Человек в информационном мире. <http://www.psy.net.by.ru/news1.html>.
4. Біскуб І. Концептуалізація лінгвістичної інформації в комп'ютерних лексиконах // Мовні і концептуальні картини світу. Збірник наукових праць. -К.: Київський національний університет ім. Т. Шевченка. -2004. - № 10. - С. 37-45.
5. Боднар Р. В. Соціолект підлітків як субкультура сучасного лінгвосоціуму (на матеріалі англійської мови 90-х років ХХ – початку ХХІ століття): Дис.... канд. філол. наук: 10.02.04. - К. 2007. - 273 с.
6. Галичкіна Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – Волгоград, 2001. - 19 с.
7. Галичкіна Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник ОГУ. - 2004. - № 10. -С. 55-59.
8. Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сборник статей / Институт Языкознания РАН. - Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. - С. 65-81.
9. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
10. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью. <http://www.flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>.
11. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. - М.: Дело, 1998. - 480 с.
12. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. -М.: МОДЭК, 2001. - 432 с.
13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики устной речи. Издание 3-е стереотипное. -М.: Едиториал УРСС, 2003. - 284 с.
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. -М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
15. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. -М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 320 с.
16. Коломієць Н. В. Лінгвістичні особливості організації гіпертексту інтернет-новин (на матеріалі англійської мови): Дисс. ...канд. філол. наук: 10.02.04. -Київ, 2004. - 210 с.
17. Компанцева Л. Ф. Специфика и нормы узуса в интернет-дискурсе. 2004. <http://www.textology.ru/public/uzus.html>.
18. Компанцева Л. Ф. Формат виртуальной конференции: когнитивно-коммуникативные характеристики // Мова і культура (Науковий щорічний журнал). - К.: Видавничий Дім Дмитра Бурого. - 2005. -№ 8. - Т 111.- Ч 2. - С. 33-38.
19. Купина Н. А. Рецензия на: М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. -М.: Русские словари, 1999. - 396 с. // Вопросы языкознания. - 2001. - № 5. - С. 121-123.
20. Кутузов А. Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов. 2006. http://www.85.15.168.58/cv/kutuzov_discourse.pdf.

21. Лавриненко И. Н. Стратегии мены коммуникативных ролей в английском диалогическом дискурсе // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків: Константа. -2006.- № 741. –С. 96-99.
22. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. –М.: Смысл, 1999. - 287 с.
23. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. -2-е издание, исправленное. –М.: Аспект Пресс, 2000. -207 с.
24. Орлов Г. А. Современная английская речь. –М.: Высшая школа, 1991. – 240с.
25. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна, Серія РФФ. – Харків: Константа. – 2006. – № 741. –С. 216-218.
26. Пронина Е. Е. категории медиапсихологии. <http://www.eartist.narod.ru/text7/49.htm>.
27. Смирнов Ф. О. Язык общения компьютерщиков: потребность в аффилиации или нечто большее? <http://www.flogiston.ru/articles/netpsy/compzh>.
28. Столярова М. О. Концепція “читача-співавтора” в межах комп’ютерного тексту // Мовні і концептуальні картини світу. Збірник наукових праць. –К.: Київський національний університет ім. Т. Шевченка. -2004. – № 10. – С. 579-588.
29. Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харків: Издательство Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
30. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. –М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 292 с.
31. Хараш А. У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. – М.: МГУ, 1987. – С.30-42.
32. Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Перевод, составление и вступительная статья Д. В. Сильвестрова. -М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
33. Чеботарева Н. Д. Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы. 2006. <http://www.ezotera.ariom.ru/2006/05/24/chebotareva.html>.
34. Чугунов А. В. Политика и Интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий: Дисс... канд. филол. наук: СПб, 2000. -179 с.
35. Шевченко И. С. Факторы динамичности самопрезентаций в Интернет-общении. <http://www.psynet.by.ru/texts/shev1.htm>.
36. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. - М., 1975. –С. 193-230.
37. Яхонтова Т. В. Електронна групова дискусія як жанр міжнародного наукового спілкування // Мовні і концептуальні картини світу. Збірник наукових праць. –К.: Київський національний університет ім. Т. Шевченка. -2004. – № 10. –С. 711-718.
38. Стилистический энциклопедический словарь. –М.: Флинта, 2003. - 696 с.
39. Baron, N. S. Language of the Internet. <http://www.american.edu/tesol/20003%20Paper—Lg%20of%20Internet.pdf>.
40. Chat room. http://www.en.wikipedia.com/chat_room.
41. Clark, H. H., Wilkes-Gibbs, D. Referring as a collaborative process // Cognition/ -1986. – № 22. –P.1-39.
42. College Chat Rules. http://www.chat-avenue.com/college_chat.
43. Donath, J. S. Identity and deception in the virtual community. 1997. <http://www.judith.www.media.mit.edu/judith/Identity/IdentityDeception.html>.
44. Hall, S. Minimal Selves // Studying Culture: An Introductory Reader/edited by A. Gray and J. McGuigan. –London: Edward Arnold, 1993. –P.120-153.
45. Harris, Ch. An Internet Education (A Guide to Doing Research on the Internet). –Fullerton: CSU, 1996. – 166 p.
46. Jargon File, the. <http://www.ifla.org/documents/internet/jargon.htm>.
47. Kelly, P. Human Identity Part 1: Who are you? 1997. <http://www.home.calumet.yorku.ca/pkelly/www.id1.htm>.
48. Reid, E. M. Cultural formations in text-based virtual realities. 1994. <http://www.fun91.kivikko.haos.fi/~donwulff/irc/cult-form.html>.
49. Suler, J. Identity management in cyberspace. 1996. <http://www.rider.edu/~suler/psyber/identitymanage.html>.
50. New Hacker’s Dictionary, the. 1996. http://www.jargon_file.com.